

А.С. Герд. Введение в этнолингвистику. СПб., 2001. 488 с.

В 1997 г., будучи ассистентом факультета социологии СПбГУ, я посещал лекции Александра Сергеевича Герда, заведующего кафедрой математической лингвистики филологического факультета СПбГУ, который читал для отделений социальных антропологов и социальных работников курс “Социоллингвистика”. Я готовил одноименный курс для вечернего отделения и помню, какую неоценимую помощь мне оказала его книга “Введение в этнолингвистику”. На тот момент учебной литературы на русском языке в области этих дисциплин катастрофически не хватало. Были лишь учебники А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, М.М. Копыленко, Н.Б. Мечковской и Р.Г. Белла. Не хватает ее и сейчас. Поэтому выход долгожданного (книга пролежала в типографии более трех лет) обновленного и дополненного хрестоматией издания – значительное событие.

Интересующая нас дисциплина скрывается под множеством греко-латинских масок: “этно”, “антропо”, “социо”, “лингво”, что выдает ее принципиально неустойчивый междисциплинарный характер. Автор выбирает “этно”: “Предмет этнолингвистики – язык в его соотношении с этносом, место и роль языка в обществе” (с. 3), но “место и роль языка в обществе – предмет социоллингвистики” (с. 5). Этнолингвистика учитывает этническую сторону социума (сфера компетенции социологии), а социоллингвистика – социальную сторону этноса (сфера компетенции этнографии) (с. 5). Перед нами совершенная симметрия и счастливый союз двух дисциплин (этносоциоллингвистика), “использующих язык (объект лингвистики) как средство более глубокого проникновения в этнические и социальные процессы” (с. 5). Однако ключевое значение “дисциплин на стыке” состоит не столько в сопоставлении фактов “стыкующихся” наук (лингвистики, этнографии, социологии), сколько в выработке новых комплексных методов, направленных на решение традиционных проблем, которые не поддаются решению с помощью старых методов (с. 9). Такова вкратце программа автора книги. Как видим, академическая легитимация этнолингвистики осуществляется посредством апелляции к специфике метода, а не к *no man's land* объекта, хотя восьмая лекция в качестве объекта постулирует этногенез и этническую историю. Разумеется, традиция и “великие предки” (Ф. Боас, Э. Сепир, Г. Шухардт, А.А. Шахматов, Д.К. Зеленин, Н.С. Трубецкой, В.М. Жирмунский и др.) также участвуют в легитимации данного научного направления.

В четвертой лекции с помощью методов системного анализа строится модель этноса. К большому сожалению, автор сознательно обходит дискуссии о понятиях “этнос” и “этническая общность”, – тем самым студенты лишаются критической перспективы и возможности сориентироваться в современной проблематике этничности. Вся возможная палитра мнений от примордиализма (“сильного”, “слабого”, “участвующего”) до различных версий инструментализма (ресурсная теория, теория “рационального выбора”, модель конкуренции элит) остается за скобками. Автор понимает этнос “как сложную многопризнаковую семиотическую систему ассоциативно-иерархического многоуровневого типа” (с. 50). Странным образом это определение никак далее не поясняется, хотя что такое “ассоциативно-иерархический тип”, совершенно не очевидно. Далее следует внушительный список признаков, по которым разные науки (интересно, какие?) выделяют этнос. Эти признаки одновременно являются факторами формирования этноса как целостной системы. В списке признаков-факторов от биосферы через наличие сознания до степени развитости культуры (всего их около 30) вдумчивый студент неизбежно потеряется, как в любом концептуальном лабиринте, где неясны отношения факторов (измерения, иерархия значимости, включение, пересечение, исключение и др.). Характерно, что как и в случае определения этноса, признаки также никак не комментируются. Приступая вместе с автором к моделированию понятия “этнос”, мы столкнемся с другой версией списка, после которой провозглашается необходимость учета отношений между факторами и трудностей такого предприятия.

Наконец мы добираемся до системы – “Этноса”, которая состоит из подсистем, внутри которых выделяются микросистемы (блоки), причем как основные выделяются 12 подсистем. В качестве примера разбирается подсистема “Язык”, включающая в себя 4 блока: тип и состояние системы языка, ономастика, типы речевых актов носителей языка (не в смысле теории речевых актов, а в смысле форм речи и их функционального распределения) и блок “отношение”. Каковы же отношения между этими блоками? Об этом мы так и не узнаем, как не узнаем и об отношениях между подсистемами. Но ведь согласно структуралистской логике, понять значение каждого элемента (каждого параметра, каждой подсистемы) можно только в его отношении к другому. О чем же говорят между собой лингвист, географ, этнограф, антрополог, социолог? Студент застывает перед громадной, неподвижной (о динамике системы “Этнос” речь вовсе не идет) конструкцией, за которой не видно этнофоров, хотя “с точки зрения методологической за основную единицу понятия этнос целесообразно принять понятие индивида” (с. 59).

Наиболее интересно и детально разработаны проблемы этногенеза и этнической истории (лекция 8), моделирования знаний и представлений в области материальной и духовной культуры (лекция 5) и исто-

рической реконструкции такой модели (лекция 6). Разделение на материальную и духовную культуру кажется мне искусственным, но обсуждать его здесь не представляется возможным. Начало пятой лекции очень неровное: все начинается с американской этнолингвистики, с проблемы “язык–раса–культура”, затем следует резкий переход к классификации языков Э. Сепира, потом скачок к гипотезе Б. Уорфа “язык–видение мира”, от более подробного изложения и обсуждения которой автор сознательно уклоняется, ссылаясь на то, что она не нашла всеобщего признания. Наконец, изложение приходит к проблеме моделирования и ход повествования выравнивается. Вот здесь бы и вспомнить американцев! Ведь американская когнитивная антропология (формальный анализ, компонентный анализ, этнонаука, этносемантика, народная таксономия) – Г. Конклин, У. Гудинаф, Ч.О. Фрейк, С. Тайлор, Б. Брент и др. – занимается именно этим начиная с 1950-х годов.

Подход автора состоит в следующем: “Моделирование картины мира, мира знания, присущего тому или иному этносу, <...> означает построение концептуальной модели мира. Formой ее выражения является языковая модель мира в виде семантических полей, классов слов и отношений между ними” (с. 62–63). “Наиболее полное синкретическое описание и элементов народной культуры, и лексико-семантической группы слов можно дать, используя методы современного системного подхода, в частности, путем построения логико-понятийных моделей объекта. Логико-понятийная модель объекта – это концептуальная система знаний об объекте, представленная в том или ином вербальном или графическом виде” (с. 64). Из дальнейшего изложения следует, что таких видов три: рубрикатор, дескрипторный словарь-тезаурус, классификационный ассоциативный граф. Однако сами принципы их построения эксплицированы недостаточно. Они задаются многочисленными примерами, которые, по-видимому, говорят сами за себя. Другие возможные способы представления: таксономии, парадигмы, деревья – вообще не упоминаются. Остается только гадать, каков принцип построения системы научных понятий о рыбах Белого моря, как соотносятся между собой отношения род–вид, часть–целое, отношения локализации в сфере понятий о сихах Онежского озера и т.п.

Другой не менее важный вопрос связан с источниками моделирования. Это прежде всего материалы этнографические (полевые, архивные, музейные материалы, исторические и краеведческие описания, фольклорные записи), лингвистические (записи диалектных текстов, словари, атласы, специальные исследования), научное знание в области зоологии, ботаники, географии, геологии, метеорологии (с. 64–66). Как сопоставить источники, столь отличающиеся друг от друга по уровню абстракции и уровню объективации практического знания о мире? К сожалению, этот важный методологический вопрос в лекциях не обсуждается. Что же тогда мы моделируем? Какое знание? Практическое знание местных жителей? Народные модели второго порядка? Научные интерпретации третьего, четвертого или более высокого уровня?

Однако более фундаментальный вопрос связан с другим. Эксплицируя логику отношений между понятиями, мы подменяем ею практическую логику местных жителей. Мы навязываем народному знанию принципы научной классификации. Научная модель народного знания с ее теоретической, обобщающей, синхронизирующей установкой – это одно, практическое народное знание и народные модели мира с их практической установкой – это другое. Как практически жители Беломорья классифицируют рыб? Каковы ведущие принципы этой классификации? Ориентиром мог бы послужить очень важный результат сопоставления научного и народного знания о рыбах. Здесь можно выделить три позиции: недодифференциация (народное знание различает не все виды рыб, выделенные современной наукой), однозначное соответствие и сверхдифференциацию (народное знание рыб, значимых в хозяйственном, бытовом и торговом отношении, гораздо глубже и тоньше). Например, “разные особи сельди и семги выделяются по возрасту, размеру, весу, цвету, времени лова, месту лова, обитания, нереста, хозяйственного и бытового использования” (с. 69). Однако от чего же зависит эта классификация? В каких условиях, в какой ситуации жители Беломорья, как правило, проводят эти различия? Как социальный запас знания о рыбах распределен среди них в зависимости от пола, возраста, профессионального положения? Это общее знание или это знание специалистов? Насколько противоречиво это знание в зависимости от места и информантов? Все эти вопросы остаются за кадром – возможно, потому, что в лекциях не обсуждаются методы полевого этнолингвистического исследования. Это тем более странно, что автор обладает богатейшим опытом такого рода исследований, а книга адресована студентам, которые этого опыта не имеют. Как выбирать информантов и устанавливать с ними контакт? Как задавать вопросы, чтобы не навязывать принципы научной картины мира, в частности, принципы научной классификации? Каковы возможные проблемы в этой области слов и вещей? Эти вопросы, безусловно, требуют обсуждения в курсе лекций.

С дидактической точки зрения лекции недостаточно хорошо структурированы, напоминая порой материалы к курсу лекций, а не собственно лекции. Например, не эксплицирована их структура, которую можно было бы предпослать каждой лекции в форме плана или краткого содержания. В конце лекции можно было бы поместить список контрольных вопросов или основных понятий.

Несколько замечаний относительно библиографии. В конце каждой лекции приводится рекомендуемая литература. В конце курса помещен список дополнительной литературы. К сожалению, он никак не структурирован: мы не знаем, где монографии, а где сборники статей, где учебники, а где хрестоматии. Кроме того, хочется пожелать, чтобы список был аннотирован. Пусть читателя не удивляет отсутствие в библиографии значимых источников конца 1990-х годов, например, книги В.М. Алпатова “150 языков и политика” (2000 г.) или “Социолингвистической энциклопедии” (2000 г.) – это объясняется тем, что книга была сдана в типографию еще в 1998 г. Напротив, может удивить отсутствие “Красной книги народов России” (1994) или сборника “Язык в контексте общественного развития” (1994) – книг наверняка более доступных для студентов, чем, например, “Этнос” С.М. Широкогорова (Шанхай, 1923).

Огромным преимуществом настоящего издания является хрестоматия, составляющая вторую часть книги. По заявлению автора, представленные в ней работы развивают, дополняют и углубляют курс лекций, составляя его неотъемлемую часть. Однако курс и хрестоматия связаны невидимыми нитями. В курсе ни где, даже в списках рекомендуемой литературы, нет прямого указания на конкретные тексты хрестоматии. Структура хрестоматии не отражает структуры лекционного курса. Тексты объединены в три раздела. Первый – “Теоретические основы этнолингвистики” – включает статью Н.И. Толстого, которая позиционирует этнолингвистику в кругу гуманитарных наук (культурология, народная “психология” и мифология), статью С.А. Арутюнова о связи этнических процессов с языком и статью К.В. Чистова о связи фольклора и этнографии. Второй раздел с очень расплывчатым названием “Общие проблемы этнолингвистики” включает знаменитую статью Б. Уорфа “Отношение норм поведения и мышления к языку” и не менее знаменитую статью М. Сводеша, посвященную лексикостатистике. Для общих проблем, признаться, маловато. Наконец, третий раздел озаглавлен “Этнолингвистика в кругу гуманитарных наук”. Из названий помещенных в разделе текстов следует, что основными гуманитарными науками являются лингвистика и этнография. Социологии (как на микроуровне: языковое взаимодействие в его социальном контексте, так и на макроуровне: языковая политика, языковые конфликты, социальная стратификация и язык) нет и в помине. Несмотря на это досадное забвение, тексты подобраны интересные, разнообразные, да и сам принцип отбора отличается демократизмом – рядом с классиком (Б.А. Ларин “О лингвистическом изучении города”) фигурирует студентка (Ю. Карпенчук “Этикет и речь”). Однако несмотря на уверение, что литература в сносках и примечаниях приведена в соответствии с современными нормами, в некоторых текстах курьезно “повисают” ссылки (напр., в тексте Е.А. Рябинина “К этнической истории Русского Севера” “повисло” аж 102 ссылки) – источники, увы, мы найдем только в оригиналах.

Прекрасным подспорьем к курсу являются приложения. Они включают фрагменты законов о языке и словарей. Тексты законов о языке малодоступны для студентов и служат хорошей иллюстрацией к лекции о языковой политике, а фрагменты словарей, в том числе и авторских, конкретизируют лекции, посвященные моделированию картины мира и этногенезу.

Курс лекций по этнолингвистике незаменим в системе вузовского образования, поскольку он несет в себе комплексное, междисциплинарное знание, которое способно объединить специалистов в области самых разных наук о человеке. Однако передача знаний – не единственная задача данного курса. У читателя возникает убеждение в том, что этнолингвистика отнюдь не оторвана от политических и этических проблем, которые ставит постсовременность и глобальное общество. Усиление контактов между культурами, сжатие мирового пространства, появление новых способов коммуникации лишь помогают увидеть то, что глобализация – явление не только постсовременное, но и досовременное. Позволим себе еще одну цитату из курса лекций: “Теория автохтонности любого современного населения на той или иной территории имеет весьма зыбкий и относительный характер с научной точки зрения <...> этническая история любой территории, любого ареала – это всегда неоднократная смена тех или иных культур, типов языка и даже антропологических типов. Ни один современный этнос, занимающий сегодня ту или иную территорию, не может претендовать на то, что он и только он является древним, коренным аборигеном этих мест” (с. 99). В ситуации постсовременности этнолингвистика получает новое политическое и этическое звучание, помогая молодым специалистам выработать правильное отношение к своей и чужой культуре.

А.В. Тавровский